

Гибель донской конницы в феврале 1920 года в Задонской степи

Андрей Вадимович Венков

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научно-го центра РАН, Россия
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: venckov@rambler.ru

Аннотация. В статье дается описание завершающих боев гражданской войны на Юге России, рассматривается переломный момент противостояния, когда советское командование (М.Н. Тухачевский) переиграло деникинское, показана трагическая гибель донской казачьей конницы, последовавшая из-за неумелого руководства.

УДК 93/94

Ключевые слова: гражданская война, казачество, поход, командование, сражение.

Завершающий этап гражданской войны на Юге России отличался большим драматизмом. Разгромив Деникина в центральных районах России, Красная Армия в течение зимнего наступления 1919-1920 гг. заняла Ростов и Новочеркасск, но дальнейшее ее продвижение застопорилось. Донское и добровольческое командование в течение января и первой половины февраля 1920 года отбило несколько попыток красных форсировать Дон и Маныч и нанесло ударной силе красных – Конной армии С.М. Буденного и Конно-сводному корпусу Б.М. Думенко – несколько поражений в районе Батайска и х. Веселого. Это привело к временному затишью и смене советского командования. Вместо В.И. Шорина командующим Кавказским фронтом красных был назначен М.Н. Тухачевский.

Тухачевский принял решение изменить направление главного удара – наносить его не через водные преграды Дон и Маныч, а вдоль железной дороги Царицын – Тихорецкая. Этот участок удерживали белые кубанские части, чье руководство постоянно конфликтовало с деникинцами.

Со своей стороны донцы и добровольцы, вдохновленные недавними победами, стали стягивать силы в район Батайска, чтоб отбить у красных Ростов и Новочеркасск.

25 января (7 февраля) М. Тухачевский отметил: «противник производит перегруппировку и сосредотачивает конные части в район Азов – Батайск, возможно с целью активных действий в районе Ростов – Новочеркасск» [1]. И все же, отмечая концентрацию казаков и добровольцев против Ростова и Новочеркасска, Тухачевский начинает переброску сил на восток, на Великокняжескую – Торговую, ослабляя и без того опасное Новочеркасское направление, чтобы нанести удар в стык между Донской и Кубанской армиями.

27 января (9 февраля) он отдал приказ 8-й армии растянуть свой левый фланг до Манычской (Ростовское и Новочеркасское направление еще больше ослаблялось); Конной армии форсированным маршем через Сусатский – Комаровский прибыть в район Шара-Булуцкий – Платовская (в стык между 9-й и 10-й армиями); все перегруппировки закончить в четырехдневный срок, «и иметь в виду 14 февраля с рассветом начать общее наступление» [2].

29 января (11 февраля) конница Буденного двинулась в поход; шли без дорог левым берегом Сала по рыхлому метровому снегу, поставив пулеметы с тачанок на сани.

Тухачевский, безусловно, сильно рисковал, ведь донцы и кубанцы могли накрыть всю эту армаду на марше. Надежда во многом была на сведения фронтовой и агентурной разведки, что кубанцы разлагаются. И Тухачевскому повезло. 30 января (12 февраля) утром он отметил в приказе: «Противник продолжает оставаться пассивным». Исходя из ситуации, было приказано 1 (14) февраля «с рассветом начать общее наступление, разбить противника и отбросить его к Азовскому морю... Конной армии, разрезая и сбивая фланги Донской и Кавказской армий противника, прорваться в район ст. Тихорецкой к 21 февраля... Наступление начать одновременно всеми наличными силами, не ослабляя себя излишними резервами. Действовать плотными ударными группами» [3].

В день, когда Тухачевский отдал этот приказ, командующий Вооруженными силами Юга России А.И. Деникин и командующий Донской армией В.И. Сидорин совещались в станице Кагальницкой вместе с командирами донских корпусов. К этому времени на Дону и Маныче казаками было взято 5 тысяч пленных, 65 орудий, 100 пулеметов. Появились слухи о восстаниях в тылу у красных. В итоге на 2 (15) февраля было назначено наступление на Ростов и Новочеркасск. Расхождение по срокам с красными было, как мы видим, в один день.

Жизнь сразу же внесла свои коррективы. Деникин писал, что 30 января (12 февраля) – практически в день совещания – были получены сведения о переброске конницы Буденного вверх по Манычу и о неустойчивости кубанских частей. Центр Кубанской армии якобы был прорван, и кавалерия 10-й армии красных двинулась вверх по реке Большой Егорлык, в тыл Торговой [4].

Но военная машина Вооруженных сил Юга России была запущена. 31 января (13 февраля) Деникин на станции Каяла устроил смотр Корниловской дивизии, призывал взять Ростов и помочь донцам взять Новочеркасск.

1 (14) февраля, согласно приказу Тухачевского, красные перешли в наступление. Части 8-й армии форсировали Дон под Ростовом и заняли Ольгинскую, но были отбиты с большими потерями. В 353-м, 354-м и 356-м полках у красных осталось соответственно 4, 10 и 16 штыков [5].

Части 9-й армии действовали вяло. Конница Б. Думенко сразу же увязла в боях с кавказской конницей генерала К. Агоева.

На участке 10-й армии красные были более активны. Здесь в бой вступили 28, 50, 20, 34, 32-я и 39-я стрелковые дивизии. Были заняты Екатериновка, Новый Маныч, Бараники. Однако Шаблиевку части 10-й армии взять не смогли и стали отходить на Великокняжескую. Зато поздно ночью к Платовской, на соединение с частями 10-й армии, вышел авангард опаздывающего Буденного.

На правом фланге 10-й армии в этот день через Маныч с приказом занять станцию Целина пошла Кавказская конная дивизия Г.Д. Гая (1000 сабель). «Справа от нее с аналогичной задачей, но без непосредственной связи с нами была выдвинута 2-я кавалерийская дивизия им. Блинова, – вспоминал один из командиров Гая. – Слева пошла 28-я стрелковая дивизия Азина» [6].

Выход на левый берег Маныча на стыке 9-й и 10-й армий красных достаточно многочисленной конницы (1000 сабель Гая и 1000 сабель дивизии имени Блинова), совпавший с известием о переброске Буденного вверх по Манычу, заставил Сидорина сделать вывод о том, что это оказался именно Буденный. Конница Буденного на самом деле, опасаясь попасть под удар на марше, шла не берегом Маныча, а левым берегом Сала, отчего и запоздала с выходом к Платовской.

Сидорин информировал командование 4-го и 1-го Донских корпусов, что после полудня 1 (14) февраля обнаружилась главная масса конницы противника на левом берегу Маныча, наступающая на Торговую, а Б. Думенко в хуторах Верхне- и Нижне-Солонные прикрывает эту операцию.

Вечером был отдан соответствующий приказ: 4-му Донскому корпусу и коннице 2-го Донского корпуса, сведенным в конную группу генерала А.А. Павлова, разбить

корпус Думенко, оставить небольшой заслон с севера и всеми силами двинуться в восточном направлении для окружения и уничтожения главной конной массы противника.

В конной группе Павлова была собрана лучшая донская конница. Она состояла из 4-го Донского корпуса, которым раньше командовал К.К. Мамонтов (9-я и 10-я конные дивизии), и конницы 2-го Донского корпуса, временно возглавляемой генералом С.Д. Позднышевым (4-я конная дивизия и 15-я конная бригада).

2 (15) февраля бои вновь разгорелись по всей линии фронта. Конница Павлова в 6-30 утра двинулась за Маныч и начала охват корпуса Думенко. Думенковцы ушли на северо-запад, потеряв 5 пулеметов и 150 пленными. Казаки преследовали их до Сала, забирая в плен покинутую думенковцами пехоту 9-й армии. 9-я армия красных больше всего пострадала от белой конницы в этот день.

Восточнее, у Казенного моста, конница Буденного перешла в этот день Маныч и начала наступление на Шаблиевку, в 22 часа заняла ее, захватив в плен батальон пластунов 1-го Кубанского корпуса.

В ночь на 3 (16) февраля конница Павлова получила приказ идти на Буденного. Ее сменил Кубано-Терский корпус Агоева, который при поддержке 7-й Донской конной бригады Т.М. Старикова должен был 4 (17) февраля еще раз атаковать Думенко и гнать его не только за Дон, но и за Донец.

День 3 (16) февраля был пасмурным, падал снег. Донская конница, оставив две бригады в качестве прикрытия, ушла за Маныч (на его левый берег) и двинулась в восточном направлении «искать Буденного».

Восточнее в этот день красная кавалерийская дивизия имени Блинова и Кавказская кавалерийская дивизия Гая, которых белые приняли за главные силы Буденного, и 28-я стрелковая дивизия Азина медленно двигались по степным зимовникам. Им противостояла белая конница Голубинцева (14-я конная бригада 1-го Донского корпуса).

Еще восточнее 6-я и 11-я кавалерийские дивизии Буденного пришли в Шаблиевку и Екатериновку и выслали разведку на станцию Торговую. 20-я стрелковая дивизия красных, получив поддержку конницы, повела наступление на Торговую и в ночь с 3 на 4 (16–17) февраля заняла ее. Кубанцы, потеряв один бронепоезд, отошли на станцию Развильная.

К вечеру прижал мороз. Все это время донская конница генерала Павлова двигалась наперерез Буденному в восточном направлении. Е. Ковалев в журнале «Родимый край» цитировал воспоминания генерала Позднышева и от себя добавил: «Жутью веет от этого рассказа».

Позднышев вспоминал: «С переходом в Хомулец мы вступили в полосу пустынных, необитаемых мертвых зимой Манычских степей. Спускались сумерки, крепчал мороз. Бригады ушли уже далеко. Мы, штаб 2-го корпуса, пошли на рысях. Небо постепенно темнело, и, наконец, наступила жестокая зимняя ночь.

Холод залезал во все поры, леденил кровь и заставлял трепетать мелкой дрожью все тело. Ноги совершенно окоченели... Дали померкли. Кругом было безжизненное, однообразное снежное пространство... С большой дороги проводник свернул вправо, и мы сразу погрузились в глубокую массу снега. Лошади с трудом вытаскивали ноги. Скоро проводник закружился, запутался и потерял направление».

Ночевать пришлось в заброшенном зимовнике: «Пристроив лошадей вдоль стен, казаки, сидя на корточках и прижимаясь друг к другу, старались согреть иззябшие тела. Ни окон, ни дверей... Во многих местах крыши зияли большие дыры, и холодный воздух гулял свободно. А мороз подступал все ближе, подкалывая острыми иглами тело. Мозги вяло шевелились, сознание мутилось, сон властно приковывал к земле. За дровами никто не хотел выходить во двор. Костры потухли, и настала тьма...» [7]. Мороз в степи в ту ночь достигал 20–27 градусов.

4 (17) февраля на флангах Кавказского фронта было тревожное затишье. Конница Буденного подтягивалась к Торговой. Связь ее со своим штабом была утеряна.

Командование Кавказского фронта спасало растрепанную конницей Павлова 9-ю армию, но безуспешно. Белая конница Агоева и Старикова вечером прорвалась на стыке 8-й и 9-й армий, захватила Багаевскую и двинулась дальше на Константиновскую [8], грозя отрезать 9-ю армию от донских переправ и зажать ее между Манычем и Салом. Казаки захватили 500 пленных, 40 пулеметов. 4 орудия.

Но решающие бои этого дня разыгрались в степи на левом берегу Маныча. Еще ночью 3 на 4 (16–17) февраля конные дивизии группы Павлова получили приказ: коннице 2-го Донского корпуса к 10 утра выдвинуться к разветвлению дорог в 5 верстах от зимовника Орлов-Подвал; 9-й дивизии сосредоточиться к югу в направлении зимовника Королькова; 10-й дивизии быть в резерве и прибыть на зимовник Орлов-Подвал.

«В 10 часов утра на зимовник Орлов-Подвал прибыл командующий группой и здесь, у разведенного костра, решил вопрос о дальнейшем движении», – вспоминали очевидцы [9].

Итак, вопрос о дальнейшем движении решался на второй день похода у развилки дорог. Почему он вообще встал?

Ночью с 3 на 4 (16–17) февраля конечный пункт движения конницы Павлова должен был измениться – красные заняли, а кубанцы оставили Торговую. Можно предположить, что именно это вызвало поездку генерала Павлова в войска. Но, как покажут будущие события, генерал Павлов не знал о падении Торговой, пока его войска не вышли к ней. Два дня (!) командующий группой, проводивший операцию, не знал о радикальном изменении обстановки. Практически «лез в мешок». Между тем, командование Донской армии о падении Торговой знало и пыталось станцию отбить. Таким образом, встает вопрос о службе связи Донской армии и, возможно, об измене (!) в недрах этой службы.

Возможно, генерал Павлов выехал в войска просто потому, что от дивизионных и бригадных командиров, проводивших ночь на морозе, посыпались жалобы и предложения изменить маршрут.

Об этом импровизированном совещании сохранился ряд свидетельств. Генерал А.С. Секретев, командир 9-й конной дивизии, изложил содержание этого совещания так: «Получив приказ двигаться по левому безлюдному берегу Маныча, ген. Павлов, по настоянию старших начальников, просил штаб фронта разрешить ему двигаться правым населенным берегом, на что согласия не получил. Ген. Павлов собрал старших начальников. Последние пришли к заключению, что штаб фронта не в курсе обстановки и что надлежит вопреки настоянию штаба двигаться все же по правому берегу. И в этом случае, по их суждению, Буденный будет вынужден повернуть и принять бой в невыгодном для себя соотношении сил (по подсчету ген. Секретева, 17 тысяч конных донцов против 14 тысяч у Буденного).

Ген. Павлов ответил, что он слишком старый солдат, чтобы не исполнять приказания начальника, и двинулся по пути, ему указанному штабом фронта» [10].

Двигаться вперед Павлов решил примерно в 13-00, когда услышал впереди орудийные выстрелы, и все подумали: «Видимо, с кем-то начала бой 9-я дивизия» [11]. Но это, скорее всего, услышали бой между 28-й стрелковой дивизией Азина и 14-й конной бригадой Голубинцева.

Силы азинцев растаяли во время похода, пулеметы вышли из строя из-за мороза. Глицерина или спирта, чтобы залить в кожу «максимов», под рукой не было. Наступление остатков 28-й дивизии Азина Голубинцев принял за разведку: «Выдвинув около трех рот пехоты, с 12-ю пулеметами, сам начальник дивизии, товарищ Азин, выехал на усиленную рекогносцировку...» [12].

После боя с казаками Голубинцева из дивизии Азина уцелело 160 штыков и 174 сабли (два эскадрона 28-го конного полка). Сам Азин попал в плен.

Итак в 13-00, услышав выстрелы в юго-западном направлении (это шел бой между Голубинцевым и Азиным) и решив, что это 9-я дивизия вступила в бой, генерал Павлов принял решение двигаться левым берегом Маныча.

Между тем, генерал Голубинцев получил приказ 5 (18) февраля утром, совместно с конной группой генерала Павлова, атаковать Торговую с юго-запада. «Судя по диспозиции, на рассвете 5 февраля, с юго-юго-востока и с юга должны были подойти 1-й и 2-й Кубанские корпуса и одновременно с нами атаковать Торговую», – писал Голубинцев [13]. Из воспоминаний Голубинцева выходит, что пока Павлов совещался с командирами, соседние части получили из штаба армии приказ атаковать Торговую и точную диспозицию. До Павлова эти документы, видимо, не дошли. Но и без приказа Павлов принял решение двигаться дальше на восток. Двумя колоннами конница Павлова двинулась по зимовникам. Е. Ковалев писал: «Прямых дорог на указанные зимовники не было, проводников тоже, а день уже перевалил к вечеру. Двинулись в обход балки с. Кугульта, ориентируясь среди однообразной, занесенной снегом пустыни лишь по неточной карте. Казаки ехали молча, угрюмые, серые, обмерзлые» [14].

Пока донские генералы размышляли, а 4-я и 10-я дивизии мерзли на перекрестке дорог, 9-я конная дивизия Секретева, ушедшая вперед, вышла к зимовнику Жеребкова, где натолкнулась на красную конную дивизию имени Блинова.

Как вспоминал комиссар 1-й бригады блиновцев И.Н. Ковалев, казаки приняли их за армию Буденного и стали окружать, красные «пустились в галоп уходить от противника на ст. Платовскую. Правда, пришлось километров 12 удирать, что называется, но при этом сохранилась полная дисциплина, и не создалось паники» [15].

Отбросив блиновцев, секретевские казаки стали обходить зимовник Королькова, где стояла конница Гая. Красные «кавказцы» сначала приняли казаков за дивизию имени Блинова. «А когда разобрались, положение стало чрезвычайно опасным... Спасение было только в быстром отходе» [16].

Гаевцы бросились на восток, а затем на север. В темноте оторвались. Спасли «Кавказскую кавалерийскую» данные разведки. Согласно воспоминаниям одного из участников боя, красное командование знало пароль и отзыв павловских казаков. В темноте беглецы столкнулись с обходной колонной белых. «Глухо звучат слова пропуска и отзыва. При гробовом молчании мы начинаем проходить у головы неприятельской колонны» [17].

После всех этих приключений в Кавказской кавалерийской дивизии Гая способных к бою оставалось 300 сабель.

Пока секретевские казаки одним махом разогнали две красные конные дивизии, другие части группы Павлова шли намеченным маршрутом. Ночевать пришлось в тех же условиях. А М. Сметанин вспоминал, что его полк опять ночевал в стогах соломы. «Пробовали мы эту солому жечь, чтобы обогреться, но она только дымила, разъедая глаза, и ничуть не грела. Много людей зарылось в стогах, но позже на команду «стройся» они не отвечали, так как были уже застывшими трупами» [18].

На рассвете 5 (18) февраля, в 4-50, Тухачевский послал в войска приказ: «В стыке 9 и 10 армий конная группа противника в составе трех дивизий потеснила наши части в район Платовская – зимовье Янов. Приказываю уничтожить зарвавшуюся конницу противника» [19]. Еще раз надо отметить работу красной разведки, которая верно определила силы группы Павлова. Если вспомнить, что красные 4 (17) февраля знали пароль и отзыв павловских казаков, картина складывается очень интересная.

Конкретно Тухачевский приказал командарму 9 организовать при поддержке пехоты налет конным корпусом Думенко на зимовье Королькова – зимовье С. Жеребкова, то есть на место ночевки 9-й Донской дивизии и 6-й конной бригады, что еще раз говорит о прекрасной осведомленности советской разведки. Конной армии приказывалось «остановить противника» на том же направлении, «отрезать и раз-

громить его». 10-й армии приказывалось атаковать ту же группу Павлова правыми фланговыми частями [20].

Но развитие событий пошло не так, как планировал красный командующий фронтом. Корпус Думенко увяз в боях с казаками Старикова и Агоева на речке Подпольной у хуторов Верхне- и Нижне-Янченков, и на удар за Маныч у него явно не было сил. Дивизии Буденного, так и не установив связь со своим армейским штабом, стягивались к Торговой.

Конница Павлова возобновила движение. Выступив утром и пройдя около 15 верст, казаки стали к 12 часам сосредотачиваться у зимовника Королькова. «Здесь ген. Павлов отдал приказ о движении на Шаблиевку, где, по его сведениям, находился Буденный» [21].

Почему Павлов отдал приказ идти на Шаблиевку, в то время как другие части получили приказ о наступлении Торговую? Этому есть несколько объяснений. Е. Ковалев считал, что связь со штабом армии была утрачена, и Павлов «не имел правдивых сведений о противнике» [22]. А.А. Гордеев подтверждает: Павлов полагал, что Торговая занята Кубанским корпусом [23].

Итак, днем конница Павлова двинулась к Шаблиевке. «Бой должен был разыграться по достижении Шаблиевки без особого приказа на незнакомой ни начальникам, ни подчиненным местности, – вспоминал Е. Ковалев. – План боя был намечен на карте... По заданию, конница 2-го корпуса должна была атаковать с юго-востока, 4-й корпус – с севера и северо-запада» [24]. Но до рубежа атаки предстояло еще идти и идти. Далее Е. Ковалев пишет: «От Шаблиевки конную группу отделяло 25–30 верст. Начав движение в 13 ч., она могла подойти к ней в 19–20 ч., а при бездорожье и значительно позже. Уже 4-ый день не имевшие нормального отдыха и правильного питания казаки, голодные и усталые после 45-верстного перехода, при 25 градусах мороза, должны были атаковать сильного, отдохнувшего в тепле противника. Это не предвещало ничего хорошего» [25].

В рядах конной группы началось брожение. Командование 1-й Конной армии докладывало впоследствии, опираясь на показания пленных, что белое командование готовило ночное нападение на Великокняжескую (!), «но полузамерзшие казаки наотрез отказались двигаться в какое бы то ни было наступление и потребовали их немедленного отвода на отдых, в противном случае – разойтись по домам» [26]. Бунт обмороженных казаков ночью в степи мог кончиться гибелью или сдачей всей конной группы. Видимо, Павлов понял это. Как пишет А.А. Гордеев, служивший в 17-м Назаровском полку 10-й «Атаманской» бригады, которая в тот день шла в авангарде, «генерал Павлов, предполагая, что Торговая занята кубанским корпусом, повернул на Торговую. Подошли к высотам, спускавшимся ровным склоном в сторону Торговой, куда ветер гнал поземку. Заходило солнце, и быстро спускалась темнота. Холод был до 30 градусов. Что касается Торговой, то стало известно, что она занята красными» [27].

Итак, авангардная конная бригада Павлова вышла к Торговой еще на закате и узнала, что на станции красные. Остальные войска конной группы отстали и к Торговой вышли к 10 часам. Видимо, командный состав других бригад был уже предупрежден, что в Торговой красные и даже получил диспозицию к атаке. «Части, назначенные для атаки, стали расходиться, обтекая селение» [28]. Красные удара не ждали. Е. Ковалев пишет, что «на всем пути не было встречено их разъездов» [29].

По воспоминаниям Буденного, в Торговой заняли круговую оборону три стрелковые дивизии и две конные. А. Гордеев считает, что в самой Торговой стоял штаб Буденного, бригада кавалерии и обозы, одна дивизия пехоты прошла вперед, остальные части «были размещены в селах в сторону Великокняжеской» [30].

Б. Майстрах, один из красных командиров, вспоминал, что красный разъезд взял в плен полузамерзшего казака, и тот сообщил, что к Торговой подходит белая

конница, но сама атака казаков Павлова, начавшаяся в 23-00 была для красных внезапной и вызвала панику [31].

А. Гордеев, непосредственный участник атаки, оставил ее описание: «Было приказано двум полкам... Назаровскому и Калединскому двинуться на Торговую; Калединский направлялся вправо, и непосредственно на Торговую был направлен Назаровский... Назаровский полк подошел к обрывистому берегу замерзшей речки Егорлык. Пять сотен были спешены, и одна оставалась в конном строю при коноводах. Окраину Торговой от войск отделяла узкая речка; в селении была тишина, никаких признаков охраны и движения слышно не было. Развернувшись в цепь при четырех пулеметах, назаровцы с криками «ура!», открыв пулеметный огонь, бросились через замерзшую речку в Торговую. Внутри селения поднялась невероятная тревога, поднялся гвалт, лай собак, скачка всадников...» [32].

Назаровский полк, очистив Торговую, вызвал коноводов и уже верхом рассеялся по станции. Было взято 5 пулеметов, 30 пленных и изрублен конвой Буденного. «Калединский полк о себе никаких признаков не подавал и, как выяснилось потом, уклонившись от прямого движения на Торговую, он не решился вступить в ночной бой» [33].

Другие части к Торговой тоже не подошли. А. Мефодиев вспоминал: «Лошадей нельзя было заставить бежать даже рысью; совершенно ослабевшие, застревав в снегу, они еле двигались шагом, а люди не могли заочеченными руками держать винтовку и роняли ее в снег, но слезть с коня и найти винтовку уже не могли» [34].

Казаки в колоннах, в сомкнутых боевых порядках, кричали «ура», но некоторые лошади не могли идти даже шагом. Даже случайные выстрелы по колонне со стороны красных несли за собой потери.

Вместо подкреплений в Торговую явился генерал И.Д. Попов, помощник генерала Павлова, вместе с одним из командиров бригад, «чтобы ознакомиться с положением и найти возможность устроить квартиру для командира корпуса» [35].

Генерал Попов уехал ни с чем, подкрепления так и не подошли. С северо-востока в Торговую вступил полк красных с шестью пулеметами, и началась перестрелка. Из-за мороза пулеметы и в Назаровском полку, и у красных выходили из строя, «и было решено отводить полки в сторону корпуса. Занятие Торговой и отход казаков совершились без потерь... Около четырех часов утра полки поднялись на возвышенность и присоединились к расположившимся в снежной пустыне, где укрытием было несколько скирд сена, и при невероятном морозе, укрывшись, все, кто чем мог, лежали без всякого движения... К сожалению, в эту страшную ночь главные силы конной группы оставались в бездеятельности, и генерал Павлов объяснял эту бездеятельность тем, что не рисковал вводить группу в ночной бой» [36]. Он «отдал приказ отойти назад и заночевать самостоятельно там, где на пути встречались скирды... По разбитой снежной дороге перемешавшиеся части потянулись назад в покрытую ночным мраком холодную и голодную степь. Физическое и нравственное переутомление дошло до предела. Измученные лошади еле брели... Большая часть конницы остановилась у соединения двух балок, разнеся несколько стоявших там скирд. Измученные голодные люди, валясь с ног, расположились на ночлег в трескучий мороз на снегу под открытым небом», – писал Е. Ковалев [37].

«Утреннее пробуждение было ужасным, – вспоминал Гордеев. – Торговая оказалась незанятой, и в составе корпуса оказалось немало замерзших и до 54 % обмороженных...» [38].

Буденный вспоминал, что в этот день его конница двинулась вслед за белыми и увидела жуткую картину: замерзших казаков, свернувшихся в клубок, стоявших на коленях, увязших по пояс в снегу вместе с лошадьми...

Генерал Павлов намеревался еще раз атаковать Торговую, но вынужден был от этого отказаться. «Части растаяли, моральное и физическое состояние оставшихся в строю требовало немедленного вывода их из степей на отдых» [39]. Наконец, Павлов

отдал приказ отходить на Егорлыкскую, куда его войска, пройдя станцию Целина, прибыли вечером 7 (20) февраля.

Здесь были подсчитаны потери. Генерал Секретев считал, что потери достигали 9 тысяч человек [40]. Голубинцев более осторожно полагал, что Павлов потерял 5 тысяч из 12 тысяч [41].

А.М. Сметанин вспоминал, что в 78-м конном полку замерзшими потеряли 37 человек. 32 казака были убиты, полтора десятка ранены, но после отступления «в теплом помещении, отогревшись, мы установили, что большая половина людей имела отмороженные конечности, и они в страшных мучениях начали умирать. Без ошибки можно сказать, что две трети донской конницы за эти три-четыре дня вышло из строя, и легко понять, какое настроение было у уцелевших. Но несмотря на это, не было слышно ни одного протеста. Дисциплина стала, конечно, не такой, что была раньше, но люди все же продолжали повиноваться» [42].

Таким образом, ушедшая в Егорлыкскую конница Павлова временно потеряла боеспособность. Белые лишились своей лучшей ударной силы, что сразу же сказалось на ходе военных действий и завершилось разгромом белого движения на Юге России.

Примечания:

1. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922) Т. 2. М., 1971. С. 481.
2. Там же. С. 481–482.
3. Там же. С. 482–483.
4. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 5. Минск, 2008. С. 217.
5. Боранова Г.Н. Азов и Приазовье между двумя мировыми войнами (1917–1940 гг.). Азов, 2005. С. 185.
6. Голубев А.В. В Кавказской кавалерийской / Против Деникина. М., 1969. С. 302.
7. Ковалев Е. Поход донской конницы на Торговую 1920 г. // Родимый край. 1971. № 97. С. 13–14.
8. Дедов И.И. В сабельных походах. Ростов н/Д. 1989. С. 154.
9. Ковалев Е. Указ. соч. С. 14.
10. Оприц И.Н. Лейб-гвардии казачий Е.В. полк в годы революции и гражданской войны (1917–1920). Париж, 1939. С. 277.
11. Ковалев Е. Указ. соч. С. 14.
12. Генерал-майор Голубинцев. Русская Вандея. Очерки гражданской войны на Дону. 1917–1920. Мюнхен, 1959. С. 142–143.
13. Там же. С. 145.
14. Ковалев Е. Указ. соч. С. 14.
15. Боевой путь блинцев. История боев и походов 5-й Ставропольской имени товарища Блинова кавалерийской дивизии. Ставрополь, 1930. С. 216.
16. Голубев А.В. Указ. соч. С. 302.
17. Боевой путь блинцев... С. 218.
18. Мефодиев А. Гибель донской конницы генерала Павлова // Родимый край. 1971. № 96. С. 14
19. Директивы командования фронтов... Т.2. С. 485.
20. Там же.
21. Ковалев Е. Указ. соч. С. 15.
22. Там же.
23. Гордеев А.А. История казаков. Т.4. М., 1991. С. 321.
24. Ковалев Е. Указ. соч. С. 15.
25. Там же.
26. Майстрах Б. Маныч – Егорлыкская – Новороссийск. М., 1929. С. 172.

27. Гордеев А.А. Указ. соч. С. 321.
28. Ковалев Е. Указ. соч. С. 15.
29. Там же.
30. Гордеев А.А. Указ. соч. С. 322.
31. Майстрах Б.. Маныч – Егорлыкская – Новороссийск. М., 1929. С. 70–71.
32. Гордеев А.А. Указ. Соч. С. 321.
33. Там же. С. 322.
34. Мефодиев А. Указ. соч. С. 15.
35. Гордеев А.А. Указ. соч. С. 322.
36. Там же. С. 323, 325.
37. Ковалев Е. Указ. соч. С. 16.
38. Гордеев А.А. Указ. соч. С. 324.
39. Ковалев Е. Указ. соч. С. 16.
40. Оприц И.Н. Указ. соч. С. 277.
41. Ген. Голубинцев. Указ. соч. С. 145.
42. Мефодиев А. Указ соч. С. 15.

Tragic Death of Don Cavalry in Zadonsk Steppe in February, 1920

Andrey V. Venkov

Institute of Social-Economic and Humanitarian Research of Southern Scientific Center of
the Russian Academy of Sciences, Russia
41 Chekhova Str., Rostov-on-Don 344006
Doctor of History, Professor
E-mail: venckov@rambler.ru

Abstract. This contribution describes the final battles of the Civil War in Southern Russia, considers turning point of confrontation, when the Soviet Command (M.N. Tukhachevsky) outwitted Denikin's one, displays tragic death of Don Cavalry, which was the result of poor command.

Keywords: Civil War, the Cossacks, campaign, command, battle.

UDC 93/94
